

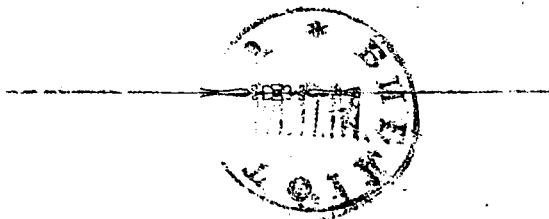
Р 56.
147.

СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

ПРЕДЪ ВОЗМУЩЕНІЕМЪ МОНАХОВЪ - СТАРООБРЯДЦЕВЪ

ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

И. Я. Сырцова.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1879.

СВЯТЫЙ МОНОАСТЫРЬ

СВЯТЫЙ МОНОАСТЫРЬ

ВНТБ

Отдельный оттиск изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1879 г.

СВЯТЫЙ МОНОАСТЫРЬ

2007080051

КАЗАНЬ

Издание Н. И. П. Успенскаго

1879

Ставропигіальный Соловецкій монастырь, основанный въ первой половинѣ XV вѣка (около 1440 года) преподобными Зосимою, Савватіемъ и Германомъ на необитаемыхъ до тѣхъ поръ и заброшенныхъ природою на значительное пространство въ Бѣлое море Соловецкихъ островахъ, хорошо извѣстенъ всякому русскому челѣвѣку; онъ извѣстенъ какъ монастырь, обладающій завиднымъ богатствомъ, благоустроенный, многочисленный и славный трудолюбіемъ и аскетизмомъ иноковъ. Въ матеріальномъ обезпеченіи онъ долженъ уступить нѣсколько такимъ монастырямъ, какъ лавры: Троицкая, Кіевопечерская и Александроневская; но въ отношеніи нравственномъ онъ считается лучшимъ многихъ другихъ русскихъ монастырей; и потому Русскій народъ называетъ иногда Соловецкія острова „Сѣвернымъ Аѳономъ“.

Но тѣмъ не менѣе исторія Соловецкаго монастыря не безъ черныхъ пятенъ. Въ этомъ случаѣ самымъ выдающимся и прискорбнымъ событіемъ можетъ быть названо возмущеніе соловецкихъ монаховъ въ XVII столѣтіи, по поводу введенія въ церковное богослуженіе исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ церковныхъ книгъ, когда монахи не только отказались принять ихъ, но и взяли за оружіе, чтобы отстоять старыя

церковные порядки, и отсталирали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ около десяти лѣтъ, пока не были въ 1676 году побѣждены и казнены почти поголовно. Сгладить это черное пятно со страницъ исторіи Соловецкаго монастыря нѣтъ никакой возможности, — остается только одно: въ назиданіе себѣ и потомству выяснить главныя и второстепенныя причины, породившія возмущеніе, и представить печальную картину событія въ надлежащемъ ея видѣ, что въ настоящее время возможно, благодаря появленію въ печати почти всѣхъ документовъ, относящихся къ событію ⁽¹⁾.

Никто, конечно, не будетъ спорить о томъ, что основныя причины возмущенія скрываются въ самой жизни монаховъ, въ ея постановкѣ и характерѣ. Будь поставлена эта жизнь правильно, на началахъ духовнаго просвѣщенія, высокой нравственности и истинной религіозности, тогда не было бы удобной почвы для подобнаго рода явленій; тогда монахи и не подумали бы не довѣрять своимъ законнымъ, отъ Бога поставленнымъ, предержащимъ властямъ, а тѣмъ болѣе возставать противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Грубое невѣжество, сопровождаемое гордымъ самомнѣніемъ, — вотъ червь, который давно началъ подтачивать нравственный строй жизни соловецкихъ монаховъ и къ началу XVII вѣка подточилъ настолько, что при первомъ удобномъ случаѣ этотъ строй необходимо долженъ былъ разрушиться и породить такія явленія, каковы недовѣріе къ духовному и гражданскому правительству и кровопролитное противодѣйствіе ему. Такимъ образомъ возмущеніе соловецкихъ монаховъ по поводу введенія въ употребленіе новыхъ церковныхъ книгъ, по нашему мнѣнію, есть не болѣе, какъ слѣдствіе указанныхъ основныхъ причинъ,

Аполл. Н. Фаддеев

(1) Авторъ кромѣ того могъ изучать относящіеся сюда документы и на мѣстѣ, такъ какъ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

вызванное причинами второстепенными, случайными. Открыть основныя причины, само собой разумѣется, можно не иначе, какъ заглянувъ въ предшествовающую возмущенію исторію жизни монаховъ, по крайней мѣрѣ за полстолѣтіе до возмущенія. Въ этихъ именно видахъ мы предлагаемъ здѣсь характеристику внѣшней и внутренней жизни соловецкихъ монаховъ первой половины XVII столѣтія.

Внѣшняя сторона жизни монаховъ.

Внѣшнее положеніе Соловецкой общины въ первой половинѣ XVII вѣка было, можно сказать, таково, что сами монахи не могли ничего желать лучшаго. Русскій народъ, отъ царя до послѣдняго земледѣльца почти благоговѣлъ предъ соловецкими подвижниками и обогащалъ ихъ своими „доброхотными даяніями“, не требуя отъ нихъ ничего кромѣ молитвъ. Благодаря народному уваженію и щедрости, монахи обладали огромнымъ богатствомъ, властвовали надъ всѣмъ сѣвернымъ поморьемъ Россіи, вели обширную торговлю, участвовали въ военныхъ дѣлахъ на сѣверѣ. При всемъ томъ они были свободны отъ посторонняго вмѣшательства въ ихъ дѣла, пользовались привилегіями и имѣли такихъ сильныхъ покровителей, каковы царь и патріархъ. И не даромъ впрочемъ соловецкіе монахи XVII вѣка пользовались отъ набожныхъ современниковъ глубокимъ уваженіемъ. Съ внѣшней стороны они имѣли за собой все тѣ добродѣтели, которыя желалъ видѣть въ монашествующихъ посторонній наблюдатель того времени. Припомнимъ, что XVII вѣкъ былъ еще на Руси временемъ поклоненія монашеству, когда монашество представлялось православно-русскому человѣку идеаломъ жизни, когда очень многіе стремились въ монашество и когда всѣ почти монахи считались святыми людьми, молитвами

которыхъ нужно дорожить. Подъ вліяніемъ этого, конечно узкаго, односторонняго взгляда, русскій чело-вѣкъ XVII вѣка цѣнилъ въ монашествующихъ не тѣ добродѣтели, которыя высоко цѣнятся, напримѣръ, въ наше время,—въ родѣ ученыхъ трудовъ, миссіонерства и т. п. Нѣтъ, онъ цѣнилъ въ нихъ главнымъ образомъ внѣшнія проявленія аскетической жизни,—отрѣ-шеніе отъ міра, постническое житіе, формальное вы-полненіе монашескихъ правилъ и т. д. Все это по-сторонній, благочестивый наблюдатель, незнакомый съ домашнимъ бытомъ соловецкихъ монаховъ могъ ви-дѣть въ Соловецкомъ монастырѣ. Жизнь монаховъ вдали, за моремъ, на пустынныхъ островахъ, отрѣ-шенныхъ отъ всѣхъ соблазновъ міра, гдѣ обитають только суровые аскеты, которые подобно птицамъ не-беснымъ не жнутъ и не сѣютъ, а сыты бываютъ, гдѣ женскому полу позволяется бывать только въ храмѣ при богослуженіи нѣсколько часовъ ⁽¹⁾, гдѣ мертвая тишина нарушается только гуломъ тяжеловѣсныхъ, благозвучныхъ колоколовъ, гдѣ смиренные на видъ, молчаливые чернецы, повидимому, все время прово-дятъ въ поражающихъ своимъ благолѣпіемъ храмахъ, при монотонномъ, продолжительномъ богослуженіи, гдѣ наконецъ находятся мощи преподобныхъ — Зо-симы, Савватія, Германа и святителя Филиппа и множество другихъ святынь,—все это приковывало вниманіе русскаго чело-вѣка къ монахамъ, поража-ло взоръ наблюдателя, дѣйствовало на религіоз-ное чувство. При видѣ такихъ явленій религіозно настроенный русскій пилигримъ не могъ не прихо-дить въ умиленіе, невольно начиналъ благоговѣть

примечаніе

(1) До нынѣшняго столѣтія существовалъ въ Соловкахъ обычай не позволять женщинамъ-богомолкамъ оставаться на ночь на соловец-кихъ островахъ, а бывать только въ храмахъ при богослуженіи; осталь-ное время они должны были проводить въ женской гостинницѣ, устро-енной на особомъ небольшомъ островѣ, извѣстномъ до сихъ поръ подъ именемъ «Бабьяго острова».

предъ соловецкими подвижниками, почитая ихъ за людей святыхъ. Возвращаясь на родину, онъ всюду прославлялъ ихъ, рассказывая о невѣроятныхъ подвигахъ монаховъ, о необыкновенно длинномъ и благолѣпномъ богослуженіи, о чудесахъ, совершающихся при мощахъ угодниковъ и т. д. Слава о соловецкихъ монахахъ такимъ образомъ проникала во всѣ концы Россіи, привлекала въ обитель ежегодно тысячи новыхъ поклонниковъ, побуждала Русскій народъ къ принесенію на алтарь Соловецкой обители новыхъ, многочисленныхъ и богатыхъ жертвъ. „Пріѣзжаютъ“, говоритъ о посѣтителяхъ Соловецкой обители митрополитъ тобольскій Игнатій, бывшій въ XVII вѣкѣ епископомъ соловецкимъ, „пріѣзжаютъ непрестанно по вся лѣта со онаго полу моря въ кораблицѣхъ и на ладіяхъ, многу-множеству, не точію простіи, но и сановницы и бояре, обѣты своя Господеви воздающе и приношенія велія приносяще и многу милостию подающе“ (1). Къ несчастію, это благоговѣнное уваженіе со стороны Русскаго народа къ соловецкимъ монахамъ служило далеко не въ пользу духовной жизни послѣднихъ. Монахи разбогатѣли, увлеклись мірскою суетою, стали въ фальшивое отношеніе къ власти и, что всего важнѣе, сбились съ добраго монашескаго пути. Уваженіе же со стороны Русскаго народа къ соловецкимъ монахамъ главнымъ образомъ выражалось въ тѣхъ жертвахъ, которыя приносилъ народъ на алтарь Соловецкой обители, съ цѣлію заручиться молитвами иноковъ. Жертвы дѣлались въ видѣ „доброхотныхъ далній“ — деньгами и участками земли, съ людьми и промышленностью. Насколько былъ неисчерпаемъ для соловецкихъ монаховъ XVII вѣка источникъ денежныхъ жертвъ отъ русскихъ богомольцевъ, объ этомъ можно отчасти

(1) Ш посланіе Игнатія къ тобольской паствѣ, Казань. 1855 года гл. 41, стр. 145.

судить по нынѣшнему состоянію его. Извѣстно, что Соловецкій монастырь въ настоящее время отъ приходящихъ въ обитель „богомольцевъ“, въ видѣ добротныхъ даяній получаетъ ежегодно отъ 30 до 40 т. ⁽¹⁾ рублей. Благодаря обилію доходовъ, текущихъ изъ этого источника, Соловецкій монастырь почти не почувствовалъ нанесеннаго ему, отнятіемъ въ 1764 году вотчинъ, удара и не только не пересталъ содержать многочисленную братію, но напротивъ находить, сверхъ того, возможнымъ строить даже новые богатые храмы, гостинницы, пароходы и т. д. и откладываетъ еще сотни тысячъ про запасъ ⁽²⁾. Если теперь монастырь получаетъ отъ своихъ почитателей такіе доходы, то необходимо предположить, что онъ получалъ ихъ въ меньшей мѣрѣ и въ XVII вѣкѣ, потому что въ усердныхъ почитателяхъ недостатка у него никогда не было. Въ этомъ убѣждаютъ и историческіе памятники. Въ соловецкой ризницѣ до сихъ поръ сохранились десятки *синодиковъ* XV, XVI и XVII вв., которые, обыкновенно, въ *родительскіе* дни выносятся на средину соборнаго храма для прочтенія и поражаютъ взоръ своею громадностію; ихъ необычная толщина свидѣтельствуетъ не о чемъ другомъ, какъ о томъ, что православно-русскій народъ искони чтилъ соловецкихъ монаховъ, дорожилъ ихъ молитвами и, слѣдовательно, давалъ имъ значительные вклады, какъ необходимое средство къ тому, чтобы обязать ихъ *вѣчно* молиться за себя и за своихъ присныхъ. Изъ сохранившейся въ Соловецкомъ архивѣ, такъ называемой „вкладной книги“, веденной въ XVI и XVII вв., можно видѣть самыя имена и фамиліи многочисленныхъ вкладчиковъ. Книга эта заключаетъ въ себѣ до 1000 листовъ и вся исписана вкладчиками. Въ

⁽¹⁾ Ист. опис. Солов. монастыря архим. Досноея ч. II. стр. 298. Морск. сборн. 1867 г. Сентябрь, стр. 104—105.

⁽²⁾ Морск. сб. 1867 г. Сентябрь. Статья «Соловецкіе острова».

ней можно видѣть цѣлыя родословныя всѣхъ русскихъ знаменитостей XVI и XVII вѣковъ. Разсматривая ее, невольно убѣждаешься, что и царь московскій, и бояринъ, и дьякъ, и купецъ и земледѣлецъ, всѣ одинаково считали долгомъ и спѣшили занести свой родъ на „вѣчное“ поминавленіе въ соловецкій синодикъ, удѣляя изъ своихъ избытковъ „своимъ богомольцамъ“ известную сумму денегъ. Для болѣе именитыхъ и постоянныхъ вкладчиковъ, каковы цари, бояре и т. д., книга удѣляетъ особые листы, озаглавленные такъ: „царь Иванъ Васильевичъ“, „царь Борисъ Ѳеодоровичъ“, „родъ боярина Бориса Ивановича Морозова“, „родъ Милославскихъ“ и т. п. Для остальныхъ отдѣляется по нѣскольку листовъ на каждую известную область, уѣздъ и городъ. Въ какомъ размѣрѣ дѣлались иногда жертвы, это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: царь Иванъ Васильевичъ Грозный въ разное время переслалъ въ Соловецкій монастырь—то на молитву за самого себя, то на поминавленіе убитаго имъ царевича Ивана Ивановича, или—новгородцевъ, или же—нѣкоторыхъ изъ бояръ,—5020 рублей; царь Ѳеодоръ Ивановичъ—по своей родительницѣ и царевнѣ Ѳеодосіи 1500 руб.; Борисъ Годуновъ—по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ—1665 руб. Изъ бояръ: Борисъ Ивановичъ Морозовъ въ 1657 году прислалъ серебряными ефимками 1000 руб. (вѣсомъ 3 пуд. 24³/₄ фунт.) и, чрезъ годъ, чистаго серебра 1 пуд. 10 фун. на устроеніе ракъ соловецкимъ чудотворцамъ и т. д. (¹). Изъ этихъ только немногихъ примѣровъ можно заключать, что соловецкіе монахи въ XVII в. получали денежныя жертвы отъ доброхотныхъ дателей тысячами.

ОПИСЬ ВЪКЛАДНЫХЪ ЛИСТОВЪ

(¹) Вкладная книга хранится въ соловецкомъ архивѣ на видномъ мѣстѣ, но почему-то не внесена въ архивную опись.—Желающій знать о другихъ болѣе или менѣе значительныхъ вкладахъ можетъ видѣть ихъ въ Ист. опис. Сол. монастыря ч. II. стр. 245.

Что касается добровольныхъ уступокъ въ пользу Соловецкихъ монаховъ участковъ земли и доходовъ съ нихъ, то объ этомъ исторія сохранила болѣе точныя свѣдѣнія. Приобрѣтенія владѣній у Соловецкихъ монаховъ начались очень рано, при жизни еще основателей монастыря — Зосимы и Германа, и, по преимуществу, въ сосѣдствѣ, по западную сторону Бѣлаго моря. Земли уступались новгородскими землевладѣльцами по тѣмъ же религіознымъ побужденіямъ, по которымъ дѣлались и денежные вклады. — Вотъ одинъ образчикъ подобныхъ жертвъ: „се язъ Марѳа, Исака Андреевича жена и сынъ мой Ѳеодоръ Исаковъ, дали есмя въ домъ святаго Спаса и пречистѣй Его Матери и святаго Николы, на Соловки, игумну Іонѣ и старцамъ на морѣ въ Сумѣ рѣкѣ у часовни два лука земли, гдѣ Парѣенка да Першица живутъ, и на той землѣ деревни страдомыя, и пашни, и лѣсъ полѣшей, и ловища водныя и лѣшіе озера, тыи два лука.... по сей даннѣй моей грамотѣ володѣти игумну и старцамъ во вѣки, а поминати имъ мужа моего Исака, и родителей моихъ, да и дѣтей моихъ, а ставити имъ обѣдъ на Димитріевъ день“ (¹). Подобнымъ образомъ уступали земли и другіе новгородцы, — и у монаховъ при первыхъ же настоятеляхъ: Павлѣ, Ѳеодосіѣ, Іонѣ и Зосимѣ (основателѣ) было въ Поморѣ уже нѣсколько участковъ населенной земли (²). Уступки продолжались и послѣ. Такъ, въ 1556 году „дано въ монастырь по душѣ послѣ Ивана Васильевича Полева въ городецкомъ уѣздѣ въ бѣжецкомъ верху село Пузырево, съ деревнями, а сопінныя пашни въ томъ селѣ и въ деревняхъ соха безъ четверти“ (³).

Монахи на первыхъ же порахъ поняли, что береговыя владѣнія для нихъ могутъ служить лучшею

(¹) Ист. опис. Сол. мон. ч. I, стр. 47.

(²) Тамъ же, стр. 46—56.

(³) Тамъ же, ч. III, стр. 23.

матеріальною поддержкою въ жизни. Но добровольныхъ уступокъ отъ „благодѣтелей“ было не слишкомъ много, и уступались по большей части ничтожныя клочки земли. Въ виду этого они не замедлили открыть другой, болѣе вѣрный и выгодный способъ пріобрѣтенія владѣній, именно: стали, при всякомъ удобномъ случаѣ, приращивать ихъ у московскихъ царей, всегда благоволившихъ къ нимъ. Первые же опыты показали, что цари въ этомъ случаѣ податливы, какъ только можно желать ⁽¹⁾. Они охотно уступали уважаемымъ монахамъ свои населенныя земли, сначала по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и новгородскіе землевладѣльцы, а затѣмъ уже стали отдавать чисто по политическимъ расчетамъ, обязывая, на примѣръ, монаховъ за свои уступки строить въ пограничномъ съ Швеціею и Финляндіею поморьѣ военныя крѣпости, держать своихъ стрѣльцовъ и при всякомъ нашествіи на поморье непріятеля, что случалось тогда очень нерѣдко, всѣми способами помогать царскимъ войскамъ въ отраженіи непріятеля. Въ 1550 году, на примѣръ, монахи „били челомъ“ царю Ивану Васильевичу Грозному, что „ставятъ они церковь каменную, а отъ монастыря у нихъ съ острова лѣсъ вышелъ, и иду у нихъ на церковное строеніе лѣсу нѣтъ, и царь пожаловалъ бы, далъ бы имъ въ домъ всемилостиваго Спаса и чудотворцевъ въ Обо-нежской пятинѣ, изъ своихъ—царя и великаго князя, изъ четырехъ деревень въ Выгозерскомъ погостѣ двѣ деревни: деревню на Усть-Колежмѣ, да деревню Колежму же, а въ нихъ девять обжъ, да тѣхъ деревень восемь варницъ (соляныхъ); да въ сумской волости въ Сумѣ рѣкѣ островокъ, а на немъ три двory безъ пашни“. И царь уступилъ просимыя деревни и островокъ „за свое здоровье и по своихъ родителейъ, въ вѣчный поминокъ“ съ тѣмъ, чтобы игуменъ съ бра-

(1) Ист. опис. Сол. монастыря, ч. III, стр. 1—3.

тією въ царскіе имянины „пѣлъ молебень соборомъ и обѣдню служилъ о царскомъ здоровіи“, а по покойнымъ царскимъ родителямъ, въ день ихъ памяти „пѣлъ панихиды и на братію кормъ большой (ставилъ) ⁽¹⁾. Въ 1592 году игумень Іаковъ съ братією писали царю Θεодору Ивановичу, что у нихъ есть въ поморьѣ „царское жалованье“ половина кемской волости, а другая половина этой волости и волость подужемская Соловецкому монастырю не принадлежать, хотя и ближе всѣхъ волостей, за шестьдесятъ только верстъ отъ монастыря; что въ кемской волости по рѣкѣ Кеми они—монахи, на случай нѣмецкаго воинскихъ людей приходу, имѣютъ постоянныя заставы, гдѣ зиму и лѣто живутъ монастырскіе сторожа, потому что нѣмцы по этой рѣкѣ уже два раза (въ 1579 и 1590 г.) приходили въ поморье и разоряли кемскую и подужемскую волости; а между тѣмъ крестьяне непринадлежащей монастырю половины кемской волости заставъ и крѣпостей по Кеми рѣкѣ ставить не даютъ и въ томъ межъ ними бываетъ смута великая“. Царю не трудно было понять, что монахи намекаютъ этимъ на уступку имъ остальной половины кемской волости. Онъ такъ и понялъ и уступилъ не только кемскую, но и подужемскую, побезерскую и мослозерскую волости, „въ вотчину въ прокъ, съ крестьяны, и дворовыми мѣсты, и съ соляными варницами, и съ звѣриными ловлями, и съ лѣсы, и съ пожнями, и съ морскими тонями, и съ лѣшими озера, и со всякими угоды, и съ тамгою, и съ рыбною ловлею, и крестьянъ вѣдати и судити (предоставилъ)“. Монахи должны были за это въ кемской волости „всякія крѣпости подѣлати, и острогъ сдѣлати, и людей ратныхъ изъ монастыря устроити, для нѣмецкихъ людей воинскаго прихода, и заставы учинить крѣпкія, чтобы въ приходъ воинскихъ нѣмецкихъ людей

(1) Ист. опис. Сол. монастыря, част. III. стр. 17, 18.

сидѣти было безстрашно“ (1). Долго, больше сотни лѣтъ монахи такимъ образомъ оттягивали къ себѣ казенныя земли съ крестьянами и доходами. Но все-му бываетъ конецъ. Насталъ конецъ и царской шед-рости по отношенію къ уступкамъ земель. Въ 1614 г. монахи выпросили еще у юнаго царя Михаила Ѳеодоровича волость шую-корельскую подъ тѣмъ предло-гомъ, что она находилась „межь монастырскія вот-чины, межь Сумскаго острогу и Кемь“ (2). Но въ 1618 году строитель Соловецкаго подворья въ Москвѣ, старецъ Мисаиль, какъ бы въ оправданіе свое, пи-салъ уже къ своему настоятелю, игумену Иринарху, что онъ „о пузыревскихъ деревняхъ въ челобитную“ (царю) не писалъ потому: христолюбцы, которые къ монастырю вѣру держатъ, и они говорятъ: буде го-сударю Богъ не извѣститъ—не пожалуетъ“ (3). Богъ не извѣстилъ объ этомъ не только Михаилу Ѳеодоро-вичу, но и ни одному изъ послѣдующихъ царей. Одна-ко и безъ этого у монаховъ было въ поморьѣ вотчинъ уже слишкомъ довольно. Въ первой половинѣ XVII в. имъ принадлежалъ почти весь западный берегъ Вѣ-лаго моря, отъ рѣки Онеги до рѣки Колы, что со-ставляетъ нынѣшніе кемскій, кольскій и частію онеж-скій уѣзды архангельской губерніи. Именно,—за Соло-вецкимъ монастыремъ въ это время считались: Сум-скій острогъ (нынѣ посадъ), Кемскій городокъ (нынѣ уѣздный городъ) и 22 уесолья, равняющіяся нынѣш-нимъ волостямъ (4). Крестьянъ за монастыремъ счи-талось до 5000 душъ, только мужескаго пола (5).

Всеми вотчинами монахи управляли сами и умѣ-ли извлекать изъ нихъ большія себѣ выгоды. Въ ихъ

(1) Ист. опис. Сол. монаст. часть III, стр. 54—56.

(2) Тамъ же стр. 92.

(3) Письмо въ Соловецк. архивъ № 44 по арх. описи.

(4) Дополн. къ Акт. ист. т. V, № 67, ст. 360—362.

(5) Ист. опис. Сол. мон. ч. I, стр. 197.

жмѣт (5)

вотчинахъ существовалъ строгій на все порядокъ, введенный игуменомъ Филиппомъ (бывшимъ впослѣдствіи московскимъ митрополитомъ). Въ 1548 году Филиппъ на имя крестьянъ виремской, шижемской и другихъ волостей издалъ особую „установную“ грамоту, которая со всею ясностію, подробностію и предусмотрительностію опредѣляла отношенія монаховъ къ крестьянамъ и крестьянъ къ монахамъ;—указывала крестьянамъ: „какъ у нихъ быть старцу прикащику, да старцу келарю, да служѣ монастырскому доводчику и свои поминки съ году на годъ имать“⁽¹⁾. Эта грамота служила для монаховъ постояннымъ руководствомъ въ вотчинныхъ дѣлахъ. Строгій порядокъ, усердіе, смысленность и расторопность братіи—прикащиковъ произвели то, что въ монастырскихъ вотчинахъ скоро зацвѣла промышленность: соляная, рыбная и слюдная. Въ особенности соляной промыселъ былъ развитъ до огромныхъ размѣровъ. На монастырскихъ варницахъ постоянно находилось до тысячи рабочихъ крестьянскихъ рукъ, охотно предлагающихъ свои услуги потому, что монахи питали и одѣвали тружениковъ, съ ихъ женами и дѣтьми, и сверхъ того давали деньги, не строго требуя заработковъ⁽²⁾. При посредствѣ этихъ тружениковъ, съ ихъ женами и дѣтьми, на монастырскихъ заводахъ въ XVII вѣкѣ вываривалось соли до 130.000 пудовъ. Въ 1672 году, напримѣръ, было привезено оной въ Вологду 123.829 пудовъ. Продана эта соль по 3 алтына и 4 деньги за пудъ и выручено 12.721 р. 6 алтынъ и 4 деньги⁽³⁾. Эта сумма, съ ничтожными измѣненіями, служила нормою солянаго дохода за каждый годъ. Рыбный

⁽¹⁾ Ист. опис. Сол. монаст. част. III, стр. 178.

⁽²⁾ Около 1670 г. жило при соляныхъ заводахъ солдоваровъ и дровозовъ 1143 чел., женъ и дѣтей ихъ 1483 человекъ. Кабальнаго долгу прежнихъ лѣтъ за крестьянами было 46,857 р. доп. къ Акт. ист. арх. ком. т. V, стр. 361.

⁽³⁾ Тамъ же.

тотъ же . . . томъ 100 . . . 9)

промыселъ по крайней мѣрѣ былъ выгоденъ для монаховъ тѣмъ, что не нужно было покупать рыбы для стола многочисленной братіи. А что и онъ не былъ въ плохомъ состояніи, такъ это можно видѣть изъ того, что монахи, довольствуясь своей рыбой сами, сверхъ того находили возможнымъ посылать оной до 25 возовъ въ Москву и Новгородъ въ подарки своимъ „благодѣтелямъ“: царю, митрополиту, боярамъ, дьякамъ, подьячимъ, всевозможнымъ служилымъ и приказнымъ людямъ, словомъ—всѣмъ, отъ кого чаяди приобрести себѣ какуюнибудь выгоду, даже царскимъ и митрополичьимъ лакеямъ, поварамъ, конюхамъ и т. п. челяди (¹). О слюденномъ промыслѣ, существовавшемъ въ керетской волости, сами монахи свидѣтельствуютъ, что онъ, сверхъ отправляемой къ царю ежегодно десятинной слюды—12 и 13 пудовъ, даетъ приказнымъ старцамъ доходъ, достаточный на содержаніе сумскихъ и земскихъ стрѣльцевъ—125 чело-вѣкъ (²), а содержаніе обходилось въ 300 р. деньгами и 600 четвертей хлѣба (³). Да если и допустимъ, что ни рыбный, ни слюденый промыслы, ни даже „поминки“, собираемые съ крестьянъ старцами прикащиками „съ году на годъ“, не приносили монахамъ болѣе или менѣе значительныхъ выгодъ, то и при одномъ соляномъ доходѣ монахи не могли жаловаться на безвыгодность для себя поморскихъ вотчинъ.

Этотъ доходъ въ совокупности „съ добродѣтельными денежными даяніями“ давалъ монахамъ въ XVII вѣкѣ такія средства, что они въ состояніи были давать значительныя суммы въ займы государственной казнѣ. Такъ, ими было дано государству въ царствованіа:

царя Алексея Михайловича 1655 г. 1000 руб.
царя Федора Алексеевича 1682 г. 1000 руб.
царя Петра Великаго 1702 г. 1000 руб.

(¹) Грамота царя Алексѣя 1630 г. въ Солов. ризницѣ, напечатанная въ Дополн. къ Акт. истор. т. VII, № 23, стр. 138.

(²) Тамъ же т. V, стр. 362, о содержаніи стрѣльцовъ.

(³) Истор. описан. Солов. монаш. III, стр. 445.